

О духовном подвиге России в Отечественной войне 1812 года

Исследования Отечественной войны 1812 года в прошлом и настоящем пестрят заключениями о подвиге России в борьбе с 608-ми тысячной вышколенной армией под командованием Наполеона, вторгшейся в пределы России. При этом, упоминая о духовной составляющей этого подвига, многие исследователи не идут далее банальных рассуждений о суровом морозном климате, по воле Божьей заставший врасплох неприятеля, или защите русскими своего Отечества. Однако почему же не нашли сил защищать от французов своё Отечество многие из «двунадесяти языков» Европы? Неужели «дьявол» был столь обворожителен, что заставил забыть их о собственной культурной самоценности? Содержательно ответить на вопрос о духовном подвиге русского народа в Отечественной войне 1812 года можно, если найти те содержательные моменты духовности, которые определяют характер народа: нравственные, семейные и религиозные основы его культуры.

В случае современного исследования духовности наиболее полезен, на наш взгляд, системный подход¹. Он позволяет рассматривать духовные процессы как ПРОЦЕССЫ ОСОБОЙ ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОБЩЕСТВЕ, происходящие внутри общественной структуры и тем самым обеспечивая сохранение её целостности — сохранности, устойчивости и автономности; целостности при ускоренном или замедленном направленном развитии. Чем богаче духовное взаимодействие, тем крепче общественные связи, тем сильнее страна. Впервые на важность духовного содержания общественной жизни указал русский учёный-энциклопедист Николай Яковлевич Данилевский более 130 лет назад в уникальном труде

«Россия и Европа». Исходя из принципа естественной системности общественной организации Николай Яковлевич показал особую важность «духовных задатков» ещё в момент становления и развития каждого этноса, который хотел бы выйти из исторического «младенчества». По мере аргументации и подачи исторического фактического материала Данилевский убеждает, что духовные отличия народов являются основополагающими и решающими в их исторической судьбе. Не менее глубокими и исторически судьбоносными являются духовные особенности русского народа. Ярким их проявлением являются события 1812 года. Данилевский подчёркивает: «Русское народное движение 1812 года не было собственно пробуждением народного духа, потому что в русском народе он никогда и не спал в национально-политическом отношении»ⁱⁱ. Духовность, в том числе духовность русского народа, ждёт своего будущего исследователя, и у автора нет намерения отвечать на все вопросы. Тем не менее, не будет преувеличением заметить, что бескорыстие, сплочённость и жертвенность в таких масштабах, какие наблюдались в России, вряд ли наблюдались где-нибудь ещё. Тот же Данилевский писал: «...нравственным духом, самоотверженностью обладали русские в степени несравненно большей нежели их противники, кто бы ими не предводительствовал — Карл, Фридрих или Наполеон, обладали в такой степени, что эта сила перевешивала все преимущества, бывшие на стороне наших неприятелей»ⁱⁱⁱ. Конечно, иногда наши потери превышали потери изощрённого в военном искусстве или обладающего особой техникой противника, но общий успех в сражении или военной кампании был обычно на нашей стороне. Данилевский подчёркивал крайнюю важность духовного состояния общества в моменты наивысшего напряжения сил в военном

противоборстве: «...нравственный же дух войска, а, следовательно, и населения, из которого оно набирается, — главная сила, в конце концов решающая успехи войн, и которой русские обладают по свидетельству истории в высшей степени, — принадлежит к постоянным, коренным свойствам народным, которые не могут быть ни приобретены, ни изменены чем бы то ни было... Присоединив к этому возможность возвести эти, всегда присущие русскому народу свойства до степени дисциплинированного энтузиазма или героизма (Не это ли сумел сделать Михаил Илларионович Кутузов, 190-летие смерти которого в заграничном походе было отмечено столь вяло в нынешнем 2003 году. — *А.Ш.*), тогда как противники наши лишены этой возможности и по неправомерности, и отвлечённости интересов, которые придётся им защищать, — мы увидим, что превосходим их в этом деле духовною силою, за которою всегда остаётся победа в последнем результате»^{iv}.

Рассматривая события 1812 года с точки зрения духовно-нравственного содержания можно видеть, что состояние **НАИБОЛЬШЕЙ ДУХОВНОЙ СИЛЫ** пришло к обществу не сразу. Учёным должен быть интересен сам механизм актуализации духовности в обществе, который имел очевидное место в 1812 году в силу всем известного результата, но скрытые пружины которого ещё, по нашему мнению, недостаточно осмыслены. Знание этого механизма — это возможность планомерного воздействия в этом направлении для актуализации духовности в современном обществе, ввергнутом в духовно-нравственный кризис. Итак, необходим новый системный взгляд на явления духовности, который позволит оживить выхолощенные факты до полноценного ощущения жизни общества в то героическое время. Позволю себе один пример.

Всем известен факт самосожжения Москвы. Однако мне не

доводилось читать исследований этого отнюдь не ординарного поступка — акции, почему-то до сих пор не признанного великим подвигом русского народа. В результате самоподжога не только сложилась «неуютная» обстановка в Кремле и армия противника была обречена на прозябание и голод. Не менее важным является и то, что богатая помещичье-купеческая столица потеряла особняки, предметы роскоши, была жесточайшим образом разграблена французами. Вполне справедливо московские дворяне, аристократы и купечество, потерявшие имущество, испытавшие массу неудобств и страданий, потерявшие здоровье, а то и жизни близких, считали себя пострадавшими и относили свои невзгоды к жертвам, принесёнными ими на алтарь Отечества в борьбе с Наполеоном. В этих условиях вполне естественен был их горячий призыв к мщению, к пожертвованиям в пользу армии, к вступлению в ополчение, ко всяческому содействию общей победе над врагом. При этом их пример понуждал других, избежавших того или иного неблагоприятия, жертвовать армии, России, вступить в ополчение, содействовать конечной победе. Таким образом трагедия москвичей явилась катализатором духовного подъёма и объединения в священной войне с противником всей России. Не это ли было конечной целью отчаявшихся героев-устроителей поджога древней столицы?

Надо видеть, что общественные отношения внутри России накануне 1812 года были достаточно сложными. Имущественное, правовое и социальное расслоение было столь велико, что, казалось бы, никакие «механизмы» не в силах обеспечить духовное объединение народа. Верховная власть в лице императора Александра I жаждала этого объединения, видела его крайнюю необходимость в ожесточённой борьбе с Наполеоном, но не располагала, как говорится,

средствами. Более того, в этих средствах она была подчас ограничена в совершенно неожиданных сферах. Так, например, в начале вторжения наполеоновских армий она не могла противостоять алчности помещиков, пытавшихся продавать фураж из своих амбаров своей же армии по французским ценам, то есть по ценам, которые готовы были и обещали заплатить наступающие на пятки французы. Что это как не позорная спекуляция на трагедии Отечества? Некоторые командиры принимали решения и силой брали необходимое для отступающей армии, однако в «верха» поступали жалобы со стороны обиженных помещиков. Показательны свидетельства князя С. Волконского, который был направлен Винцингероде к Александру I: «...Винцингероде ещё сказал, что впоследствии от Царя зависит платить за забранное, но теперь, когда правительству на защиту Отечества нужна каждая копейка, нечего заботиться о выгодах помещичьих, и что грустно будет, если приближённые к Царю не будут давать примера пожертвованиями, и особенно в предстоящих обстоятельствах, потому что зачем было беречь теперь русским то, что завтра, если сохранено будет, может быть взято французами. Но вопль чиновников, которым препятствовал Винцингероде делать закупы по французским ценам, и таковой же вопль господ помещиков, которые, как тогда, так и теперь, и всегда будут это делать, кричать об их патриотизме, но из того, что может поступить в их кошелёк, не дадут ни алтына, — этот вопль нашёл приют в Питере, и на эти жалобы, хотя в выражениях весьма учтивых, от графа Аракчеева был прислан Винцингероде запрос... Имея рыцарские чувства, Винцингероде, получив это, вспылал, не отвечал графу, но написал письмо прямо Государю, приказал мне немедленно отправиться с этим письмом в Петербург»^v. Во время аудиенции Александр I задал Волконскому

характерные вопросы и получил соответствующие ответы: «Каков дух армии? — Государь! От главнокомандующего до всякого солдата, все готовы положить свою жизнь к защите Отечества и Вашего Императорского Величества. — А дух народный?

— Государь! Вы должны гордиться им; каждый крестьянин — герой, преданный Отечеству и Вам.

— А дворянство?

— Стыжусь, что принадлежу к нему, было много слов, а на деле ничего.

«Рад, что вижу в тебе эти чувства; спасибо, много спасибо» — сказал император. Показательным является тот факт, что Александр I затем втайне от Аракчеева пригласил Волконского и вручил ему письмо для передачи Винцингероде. При этом, по свидетельству Волконского, он произнёс следующее: «Вот тебе письмо к Винцингероде; он поймёт меня и убедится, что я имею полное уважение и доверие к нему, но в ходе дел административных, надо им давать общий ход, и потому, как те бумаги, которыми он недоволен, так и те, которые впредь могут быть ему не по мыслям и сердцу, пусть его не тревожат, и пусть он кладёт их под красное сукно и не даёт исполнения. Он и я, мы друг друга понимаем, и ему нечего тревожиться. Поблагодари его от меня за преданность и службу.

Через несколько часов потребует тебя для отправления граф Алексей Андреевич (Аракчеев — *А.Ш.*), ТЫ НЕ ГОВОРИ, ЧТО Я ТЕБЯ ТРЕБОВАЛ К СЕБЕ И ЧТО ТЫ ПОЛУЧИЛ ОТ МЕНЯ КОНВЕРТ ДЛЯ ВРУЧЕНИЯ ВИНЦИНГЕРОДЕ» (выделено Волконским — *А.Ш.*) «Я указываю на эти последние слова, — пишет Волконский, — как странный факт того, что Государь себя подчинял какой-то двуличной игре с Аракчеевым, и как доказательство силы

Аракчеева у Государя»^{vi}.

Очевидно, что такого рода счёты русской армии со спекулирующими помещиками не могли способствовать самоотверженности солдат и офицеров, подвергающихся каждодневной опасности быть лишёнными жизни. И таким частным образом император пытался снять один из факторов, которые могли бы снизить дух армии, если не разложить её вовсе. Безусловно, алчущими и спекулирующими на трагедии народа были только отдельные помещики, но дух стяжательства чрезвычайно заразителен, и жалобам помещиков нельзя было давать хода. Вместе с тем в правительственных верхах сформировалась группировка во главе с Аракчеевым, которая поддерживала чиновничество и опиралась на него. Она требовала соблюдения законов и правил, не соответствующих обстоятельствам реального военного времени и обеспечения отступающей армии продовольствием. Вполне возможно, что она преследовала и какие-то частные, может быть даже корыстные цели. Александр I видел необходимость борьбы с интересами этой группировки, но не находил, по-видимому, более эффективных возможностей, чем приведённая выше. Таким образом, единение общества, единение армии, победа духа формировались непрерывной борьбой с противодействующими силами. И в каждом случае победы она обязана особенной деятельностью ума и сердца, напряжению всех нравственных, интеллектуальных и физических сил от императора до последнего крестьянина. Из совокупности таких больших и малых побед формировалась общая победа народного духа, а затем и военная победа над врагом. При этом понимании процессов духовного единения населения России самосожжение Москвы в сентябре 1812 года приобретает особенное значение. Москва явилась тем общероссийским

факелом, который осветил уже активно действующее народное патриотическое чувство, объединил различные слои населения и поднял их на духовный подвиг защиты Отечества. Не видеть, не замечать этого значит недооценивать свой народ, не отдавать должное его гению и, этнически свойственной русскому духу, жертвенности ради Отечества. Состояние духа русской армии под Тарутино тому яркое подтверждение, о чём свидетельствует М. Глинка^{vii}.

Особую роль в духовном подъёме России сыграло православное вероисповедание, пронизывающее плоть и кровь общественной жизни, формирующее духовные основы русского народа. Русская Православная Церковь — единственный общественный институт России, объединявший различные слои и группы населения Империи. И потому в лихую годину 1812 года она сыграла уникальную, только свойственную ей героическую роль. Последнее находит место в современных публикациях^{viii}. Воспитание православных христиан в лоне церкви создавало необходимые условия для формирования духовно устойчивого, твёрдого, зрелого защитника Веры, Царя и Отечества^{ix}. Однако и она подчас не была способна снять или хотя бы снизить, разделяющие общество на антагонистические группы, факторы: деление населения на бедных и богатых, свободных и рабов, просвещённых аристократов и неграмотных простолюдинов и т.д. и т.п... В сложившихся в России обстоятельствах, по-видимому, только общее большое горе, трагедия общенационального масштаба могли послужить фактором, встряхивающим и примиряющим различные слои населения и объединяющим их для борьбы с врагом.

Такой трагедией и явилось героическое самосожжение древней русской столицы — Москвы. Последовавшее за этим настроение духовного объединения и бескорыстного духовного подъёма всего

народа в конце концов передалось армии и умножило её мужество и самоотверженность^x.

Военные теоретики Запада отдавали должное психическому состоянию воина во время сражения как особому порыву, личной храбрости, отваге. Как писал об этом состоянии крупнейший теоретик военного искусства К. Клаузевиц: «...человеческая душа подымается над самой грозной опасностью... Начиная от обозного барабанщика и кончая главнокомандующим, она (храбрость — *А.Ш.*) является благороднейшей добродетелью, той настоящей сталью, от которой зависит вся острота и блеск оружия»^{xi}. Понимали исключительную важность психического состояния армии и наши военные специалисты, в том числе полководцы. 17 июля 1812 года в армию было направлено «Наставление господам пехотным офицерам в день сражения» под редакцией М.Б. Барклай де Толли, где говорится: «Дух храбрости есть отличный знак всего русского народа, то в дворянстве оный сопряжён со святейшим долгом показать прочим всегда первый пример как неустрашимости, так и терпения в трудах и повиновения начальству. Всему свету известно, какой пример российские офицеры нижним чинам всегда подавали... Упорство и неустрашимость больше выиграли сражений, нежели все таланты и всё искусство»^{xii}.

Духовный подъём, о котором мы здесь говорим, это нечто большее чем психический настрой, храбрость и упорство, которые несут в себе личностное, частное начало. Это качественно иное состояние единения с товарищами по оружию, их и своими семьями, всеми соплеменниками-соотечественниками. Вооруженный духовной силой народ становится непобедимым. Лишённый духовной силы народ может быть легко повержен. Об этом пишет Данилевский. Что касается противника, то он своими наглыми действиями,

оскорблениями национальных и православных святынь, бескрайним грабежом вызывал только негодование и жажду мщения у всех слоёв населения. Если и были равнодушные, или даже сторонники французов, то и они постепенно проникались ненавистью к врагу. Вот что пишет по горячим следам вышеупомянутых событий К.Н. Батюшков в письме из Нижнего Новгорода К.Н. Гнедичу в октябре 1812 года: «От Твери до Москвы и от Москвы до Нижнего, я видел, видел целыя семейства всех состояний, всех возрастов в самом жалком положении; я видел то, чего ни в Пруссии, ни в Швеции видеть не мог: переселение целых губерний! Видел нищету, отчаяние, пожары, голод, все ужасы войны, и с трепетом взирал на землю, на небо и на себя. Нет, я слишком живо чувствую раны, нанесённые любезному нашему отечеству, чтоб минуту быть покойным. Ужасные поступки вандалов или французов в Москве и в её окрестностях, поступки, безпримерные и в самой истории, вовсе разстроили мою маленькую философию и поссорили меня с человечеством... При имени Москвы при одном названии нашей доброй, гостеприимной, белокаменной Москвы, сердце моё трепещет, и тысячи воспоминаний, одно другого горестнее, волнуются в моей голове. Мщениа, мщениа! Варвары, вандалы! И этот народ извергов осмелился говорить о свободе, о философии, о человеколюбии! И мы до того были ослеплены, что подражали им как обезьяны! Хорошо и они нам заплатили! Можно умереть с досады при одном разсказе о их неистовых поступках...»^{xiii}.

Сегодня эти слова кажутся слишком резкими, спровоцированными близостью к трагедии. Однако это слова современника событий, а не далёкого недалёкого толкователя, ангажированного современными возможностями пересмотра героического прошлого. Не подражаем ли мы, вновь как обезьяны, и

сегодня, пытаюсь забыть о духовном подвиге России, освободившей, в конечном счёте, Европу от интеллектуального монстра, вообще забыть о духовности как высоком объединяющем свойстве человеческого сообщества, подчиняя свои ослабевшие, весьма скромные духовные силы чуждой идеологии и пиаровскому произволу ненасытных торгашей?

Другим важнейшим фактором духовного содержания общественной жизни в 1812 году следует считать родовой семейный уклад, который свойственен был, как и православное вероисповедание, всем слоям населения. Изначально основанный на любви, нравственности, бескорыстии быт русской семьи воспитывал и передавал из поколения в поколение традицию самоотверженного служения Отечеству. Если по определению апостола Павла семья является МАЛОЙ ЦЕРКОВЬЮ, то русская семья как никакая приближалась к этому. Связь родовой русской семьи с православием была безусловной и всеобъемлющей. Здоровая русская семья обычно была многочисленной и духовное сопереживание и сострадание между близкими было хорошей школой молодому поколению перед вступлением в общественную жизнь. Нездоровые семьи при этом либо разваливались, либо не давали здорового потомства и вырождение происходило в следующем поколении. Однако эта тема для другого доклада.

Таким образом, применение системного подхода в изучении духовного подвига России в 1812 году позволяет приоткрыть завесу в научном осмыслении таких важнейших институтов общественной жизни как родовая семья и община, а также увидеть возможности нового научного метода в изучении православия — краеугольных основ духовности русского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

-
- ⁱ Рузавин Г.И. Концепции современного естествознания. М. ЮНИТИ, 2000, С.254-271.
- ⁱⁱ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб.: Глаголь, 1995, С.210.
- ⁱⁱⁱ Там же, С.395.
- ^{iv} Там же, С.396.
- ^v Недаром помнит вся Россия... Сб./Сост. Левченко В.Г. и Володин В.В./, М.: Молодая гвардия, 1987, С.170.
- ^{vi} Там же, С.172.
- ^{vii} Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М.: Правда, 1990, С.83.
- ^{viii} Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 года. М.: Сретенский монастырь, 2002.
- ^{ix} Кириченко О.В. Дворянское благочестие. XVIII век. М.: Паломник, 2002.
- ^x Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М.: Правда, 1990.
- ^{xi} Цит. по: Целорунго Д.Г. Офицеры русской армии — участники Бородинского сражения. Историко-социологическое исследование. М.: Калита, 2002, С.196
- ^{xii} Там же, С.198.
- ^{xiii} .Недаром помнит вся Россия... Сб./Сост. Левченко В.Г. и Володин В.В./, М.: Молодая гвардия, 1987, С.174-175.